

МАРГАРЕТ О'ДОННЕЛЛ

ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ

В переводе
Дарьи
Кальницкой

18+

У Л Е Й

Эта история о подлинных силе и стойкости женщин
лишний раз доказывает, что, если действовать с умом, можно
сражаться любым оружием, которым мы располагаем.

entrepaginasecafe

Маргарет О'Доннелл

Улей

Серия «Большой роман (Аттикус)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73851637

Улей: СПб; 2026

ISBN 978-5-389-32839-6

Аннотация

В одной безымянной стране случился экономический кризис, взлетела безработица, и на вершину взошел диктатор, который решил проблему незатейливо: запретил женщинам работать, чтобы они не отнимали работу у мужчин. Место женщины дома, ей положено рожать детей и обихаживать мужа, не так ли?

Три десятилетия половина населения страны живет, не поднимая головы. Большинству женщин назначено быть безгласным приложением к мужчинам и регулярно производить детей, а некоторых все-таки обязали трудиться, однако поручили им только тяжелую и грязную работу, на которую мужчины не согласятся, и объявили людьми даже не второго, а третьего сорта. Все эти годы женщин воспитывают соответственно – с детства они слышат, что больше ни на что не годны, – но некоторые на промывку мозгов не поддаются. И теперь, тридцать лет спустя, несколько бесправных работниц под покровом темноты в подвале заброшенного дома готовятся к восстанию, которое одна из них

планировала годами, а между тем их по всему городу ищет тайная полиция...

Маргарет О'Доннелл (1932–2019) – ирландская общественная активистка, борющаяся за права женщин, деятельная участница движения за легализацию контрацепции в Ирландии. Антиутопия «Улей», на пять лет опередившая и предвосхитившая «Рассказ Служанки» Маргарет Этвуд, – единственный роман О'Доннелл, классика феминистской литературы, на несколько десятилетий незаслуженно забытый, – возвращается к нам только сейчас и звучит, увы, по-прежнему очень злободневно. Это роман о том, что меняться мучительно, но возможно и неизбежно, а яростная мечта одной-единственной женщины о справедливости способна пробудить к жизни сотни тысяч других и подтолкнуть мир к переменам.

Впервые на русском!

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	16
Глава третья	28
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Маргарет О'Доннелл

Улей

Посвящается

*Герби, Кельвину, Саймону и Мэттью –
мужчинам в моей жизни*

Margaret O'Donnell
THE BEEHIVE

Copyright © 1980 by Margaret O'Donnell

First Valancourt Edition 2024

This edition published by arrangement with Piergiorgio
Nicolazzini Literary Agency (PNLA)

All rights reserved

© Д. С. Кальницкая, перевод, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУ-
КА», 2026

Издательство Азбука®

Глава первая

– Ты уверена, что за тобой не было хвоста? – еще раз спросила Сара.

– Конечно уверена. Если бы меня заметили патрульные, меня бы сразу взяли.

– Стеф, бога ради, подумай хорошенько. Теперь им известно о нашей организации – тебя не стали бы брать, если бы решили, что ты выведешь к остальным.

Стефани лихорадочно прокрутила в голове короткий путь от общежития к заброшенному зданию.

– Нет, хвоста не было. Точно.

Чуть успокоившись, Сара спросила себя, замечают ли остальные, как она взвинчена. Она-то думала, что, когда настанет пора действовать, внутреннее напряжение поутихнет, но нет. Оно все росло и росло с того самого дня, когда они сделали первый шаг, приблизивший их и остальных женщин к Восстанию. Умственное упражнение, давнишняя забава переросли в независимое дело со своей динамикой и траекторией, которую уже невозможно было изменить: либо они достигнут цели, либо их всех уничтожат. Сара оглядела женщин, которые молча ждали, когда она заговорит; интересно, что бы они подумали, если б узнали о ее страхах и сомнениях. Для них она человек, который мыслит спокойно и ясно, планирует все в мельчайших подробностях, – чело-

век, в чьем разуме не остается места боязни и колебаниям. Сара отбросила эти мысли и вернулась к назначенной ей роли. Сначала она обратилась к Джоан: Джоан знала свое дело, и это Сару успокаивало.

– Удалось распространить весь тираж?

Машинально поправив очки на носу, Джоан, готовая отчитаться, развернула сложенный листок.

У Сары еще немного отлегло от сердца: Джоан не успела даже открыть рот, а по ее спокойным движениям уже было видно, что все прошло успешно. Сара так долго работала и строила планы бок о бок с этими женщинами, что их жесты были для нее красноречивей слов.

– Мы отпечатали полный тираж, пятьдесят тысяч экземпляров, вовремя и без осложнений. Удалось забрать газеты из типографии, как и договаривались; все сработало на отлично, после половины десятого разносчицы получили каждая свою пачку. В полночь начали разносить, в половине шестого закончили. – Джоан оглядела остальных – все внимательно слушали. – Как вы знаете, за эту часть операции мы опасались больше всего: слишком много народу задействовано, трудно всех координировать. Все прошло гладко, за исключением одного происшествия, газеты доставлены, как и планировалось.

Джоан выпрямилась в ожидании неизбежных вопросов, а Сара лихорадочно думала. На данном этапе они не могли позволить себе никаких незапланированных происшествий,

даже незначительных.

– Джоан, что стряслось?

– Это случилось в восьмом районе. Нам предоставили неверную информацию о маршруте патрульных. Разносчицу заметили на улице, но ей повезло: при ней уже не было газет.

– Ее поймали? – хором спросили сразу две женщины.

– Да, – ответила Джоан нарочито невозмутимым голосом. – К счастью, при ней не нашли ничего компрометирующего, а патрульный был один, и ему было скучно. Он сильно ее избил.

– Кто отвечал за карту восьмого района? – Голос Сары прорезал тишину, отвлекая всех от невеселых мыслей.

– Я. – Эли, уверенная в себе, спокойная, выдержала их взгляды. – Район тщательно изучили, всю информацию проверили и перепроверили. Если в докладе Джоан нет ошибки, значит расписание патрульных изменилось в ту ночь. – И она откинулась на спинку стула, крупная, сильная, напористая.

– Не могли они догадаться, что вы следите за патрульными? – осторожно уточнила Сара.

Эли не хотелось допускать и мысли о том, что в ее работе что-то пошло не так.

– Такое возможно, но маловероятно. И уж конечно, если бы патрульных предупредили, он не рискнул бы ее избивать. Ее бы арестовали.

Вполне разумный довод, и Сара с ним согласилась.

– Даже если тогда он ничего не заподозрил, – вмешался

кто-то, – позже он поймет, что она разносила газеты.

Сара сдержала раздражение. Говорила Стефани, а за нее Сара чувствовала еще бóльшую ответственность, чем за остальных: для шпионских игр Стеф совершенно не годилась.

– Позже он ничего уже не сможет поделывать, – ответила она ровным голосом, – иначе сам себя подставит.

Она поглядела на соратниц (на лице каждой, как в зеркале, отражались ее собственные страхи), а потом перешла к насущным вопросам:

– Думаю, у этого происшествия не будет серьезных последствий. Джоан, для следующего номера все готово?

– Да. Бумага доставлена. Нужно только просмотреть пару статей, которые ты хотела добавить.

– Энно, что с забастовкой?

– В настоящий момент мы можем обеспечить полную остановку работы в восьмидесяти одном проценте правительственных учреждений, в оставшихся девятнадцати она будет серьезно нарушена. Пятьдесят три процента компаний не смогут работать вовсе, а еще двадцать семь столкнутся с большими проблемами. Закроется шестьдесят два процента магазинов, значительно пострадает внутреннее сообщение. Мы сможем заблокировать все международные и междугородние звонки, но не сможем перекрыть все автоматические телефонные станции.

Сара сдержала улыбку. Энн была потрясающим челове-

ком. Ее мир населяли только статистические данные. Она держала в голове все цифры и даже рассчитала собственные шансы на выживание в ближайшие несколько недель. Интересно, с мрачной иронией подумала Сара, ей самой Энн сколько бы дала?

– Тебе нужна помощь? Дополнительные помощницы?

Энн отмахнулась от предложения:

– У нас по-прежнему проблемы с теле- и радиостанциями. Там работает слишком мало женщин, ничего не выйдет.

– А я говорю, что нужно включить их в подрывной список. – Эли подалась вперед, словно бросая Саре вызов.

Сара снова сдержала раздражение. Роль Эли во всей операции была очень важна, с ней следовало вести себя осторожнее. Все проблемы Эли видела в черно-белом свете и решения предлагала в той же гамме. Неизменно пыталась прибегнуть к силе. Пожирающая ее ненависть выплескивалась наружу и ощущалась почти физически.

– Я предпочла бы по возможности не уничтожать станции, – объяснила Сара. – В идеале нам нужно ими воспользоваться. Если не удастся действовать изнутри, нужно придумать, как заглушить сигнал. Эли, наверняка женщины в твоём подразделении смогут собрать глушилку помощнее? Если сумеем в нужный момент перекрыть вещание, а потом запустим собственную станцию, это будет гораздо действеннее. – Она повернулась к Эли, демонстративно не обращая внимания на ее сердитую гримасу. – Займись этим. У тебя

всего две недели. Если не сможешь найти способ, придется добавить их в твой список. – Эли все еще недовольно хмурилась, но Сара продолжила: – Как у тебя дела с боеприпасами?

Этот вопрос Эли отвлек.

– У нас достаточно взрывчатки. Уборщицы на складе артиллерийско-технической службы пять лет выносили списанные боеприпасы. Непонятно, где добывать материал для детонаторов, но мы почти решили эту проблему. Будем готовы вовремя, но я все равно считаю, что склад боеприпасов нужно захватить.

Не обращая внимания на этот последний выпад, Сара мысленно сделала себе пометку: у Эли все готово. На Эли можно целиком и полностью положиться: свою задачу она выполнит. Трудно будет сдержать ее после начала операции. Столкновение между ними было неизбежно, и Сара постоянно заглядывала внутрь себя, сомневалась, хватит ли ей сил выстоять. Однако какой смысл сомневаться? Как бы ни повернулось, она знала: чтобы сдержать разрушительную энергию Эли, силы придется откуда-то брать.

– А что по медицинской части? – обратилась Сара к кроткой Стефани.

Поерзав на деревянном ящике, Стеф пожала плечами:

– Мы сможем обустроить все только на очень примитивном уровне. Серьезных лекарств и анестетиков нам не достать, наши медицинские навыки несовершенны. Остается молиться, чтобы мы справились.

– Если наш план сработает, нам не понадобится медицинская помощь, – успокоила ее Сара. – Просто посидите там на всякий случай. Но если что-то и произойдет, я знаю, вы справитесь. Стеф, ты недооцениваешь себя.

Сара намеренно не упомянула о том, что, если план провалится, их не спасут никакие препараты и медицинские навыки. Их всех просто перебьют.

Она оглядела женщин. Холодный сырой дух заброшенного подвала въелся в них, обесцветил лица, и те казались безжизненно-серыми, как и волосы, и бесформенная одежда. В свете маленькой голой лампочки тени резче, и этот контрастный свет подчеркивал скулы, отчего женщины походили на ходячих мертвецов. Сара поражалась их силе, ведь они выросли и сформировались под масками, играли роль безмозглых зомби, но при этом четко различали маски и реальность. Сара ощутила, как к ней возвращается былая уверенность. Эти женщины сильны, как и все остальные, кто объединился, чтобы воплотить в жизнь ее план. Они боролись, чтобы обрести себя и сохранить свою личность, искусно прятались за неброской внешностью, и эта борьба укрепила их – если понадобится, они пойдут до конца. Ими движут не слепые эмоции. Они все хладнокровно оценили ситуацию и пришли к одному и тому же решению. Горстон сам посеял семена своей будущей гибели, когда принял закон об отборе. Как иначе ему удалось бы собрать вместе лучшие умы страны? Сара подумала, что это очень символично: самый отврати-

тельный закон Горстона в конце концов его и погубит.

– Уже поздно, – сказала она. – Пора возвращаться. Не будем рисковать и устраивать дополнительное собрание; следующее назначено на воскресенье, накануне Восстания, если только не произойдет что-то чрезвычайное. В этом случае воспользуемся обычными средствами связи. Джоан, можем встретиться в понедельник, чтобы довести до ума следующий номер.

Женщины уже сдвигали поломанные стулья и деревянные ящики, расставляли их среди хлама на грязном полу, чтобы не вызвать подозрений. Стоявшая в тени Энн неожиданно усмехнулась, и все повернулись к ней.

– Вы понимаете, что, если нам хоть чуточку повезет, уже после следующей встречи мы сможем навсегда распрощаться с грязью и крысами? – Она скривилась от отвращения. – После наших собраний от меня еще долго несет сыростью и плесенью. – Она повернулась к окосевшей двери, возле которой ее ждала Эли. – Я говорила, что наавтра после Восстания у меня день рождения? Мне исполнится двадцать девять.

Вслед за Энн все поспешили прочь из подвала; они отлично поняли ее невысказанную мысль. Сара осталась в мрачном подземелье один на один с пожилой женщиной, которая во время собрания не сказала ни слова. Мэри была из другого поколения; она всегда излучала искреннюю доброту, но словно бы воздвигла между собой и остальными невидимую

стену. Отгородилась от всех, за исключением Сары. Сара часто гадала, почему ее выделили среди прочих, но была благодарна. В обществе Мэри ей было спокойно – как будто не нужно скрывать свои сомнения, неизменно казаться сведущей и уверенной.

– Что будешь делать с разносчицей? – спросила Мэри.

Сара посмотрела на нее удивленно.

– Которую избили. Наверняка женщины из цепочки Джозан ей помогли, но...

От скрытого упрека Сара покраснела.

– Думаешь, мне нужно с ней связаться?

Мэри, сидевшая прямо под яркой лампочкой, погладила ее по плечу:

– Нет. Ты слишком много думаешь головой – ты не сможешь ее утешить. Я сама ее проведаю. – Мэри посмотрела Саре в глаза, и голос ее смягчился. – Иди домой. У тебя очень усталый вид. И не обижайся на меня. Ты нужна этим женщинам такая, какая есть, полностью владеющая своим разумом. В этом твоя сила.

Сара тоже посмотрела Мэри в лицо и в очередной раз ощутила между ними прочную связь. Эта связь ее озадачивала. Она не понимала ее природы, просто знала, что она есть.

А затем Сара вышла из подвала.

Короткий путь до общежития обошелся без происшествий, и Сара, облегченно вздохнув, вошла в свою темную комнату. Мэри права: она очень устала. Сара быстро разделась и с некоторым злорадством оставила серые одежды валяться на полу. Тусклый свет уличного фонаря отражался в зеркале, и Сара подошла, посмотрела на свое отражение. Давно уже она не смотрелась в зеркало и сейчас поразилась, увидев в нем серое лицо – такое же серое, как лица женщин в подвале. Она распустила тугий пучок, и волосы упали на плечи. Серые волосы, в тон серому лицу. Глядя на свое отражение, Сара всегда изумлялась. Внутри она не ощущала себя серой, не видела серости в собственных мыслях. В ее голове было полно цветов, оттенков, разных настроений. Она придвинулась к стеклу, пытаясь уловить в неверном свете хотя бы отблеск тех цветов, которые жили внутри. Но во взгляде широко распахнутых серых глаз не было ничего. Неужели она всегда будет выглядеть вот так? Серая маскировка. Сара попыталась представить свои волосы такими, какими они были до восемнадцати лет, когда еще не приходилось их красить. Светлые, очень светлые, почти белые. Если все получится, ей больше никогда не придется красить волосы. Она отвернулась от зеркала и медленно забралась на узкую койку. Может, теперь седина – ее естественный цвет.

Глава вторая

Сара положила перед Несбиттом папку, ровно на середину стола, уловив при этом легчайший запах душистого мыла и виски. Несбитт начинал выпивать все раньше и раньше.

Она подошла к высоким окнам, поправила жалюзи так, чтобы в комнату не проникало яркое утреннее солнце, и взглянула на запруженную народом улицу. Утренняя пробка рассасывалась, машины парковались по краю площади, одна медленно кружила в ритуальных поисках свободного места. Сара обернулась на грузного мужчину, откинувшегося на спинку кресла. Виски по утрам был не единственным признаком перенапряжения, который Несбитт в последнее время выказывал, но причина этого перенапряжения Сару совершенно не интересовала. Во время рабочего дня они едва соприкасались, и каждый вечер после службы, надевая пальто, она выбрасывала начальника из головы; Сара знала, что и он воспринимает ее лишь как высокофункциональную машину.

Она шагнула к столу:

– Вам нужно подписать семь писем. Сегодня в четыре у вас встреча с мистером Хокинсом. – Поняв по легкому кивку, что ее слова услышаны, она продолжила: – Вы приняли заявку на правительственный тендер от компании «Хокинс энд компани». Сегодня днем на встрече с мистером Хокин-

сом необходимо выдать ему окончательное техзадание. Это техзадание, а также ваше расписание вы найдете в этой папке.

Сара умолкла и глянула, слушает ли он. Несбитт все так же полулежал в своей излюбленной позе – слегка крутясь в кресле туда-сюда, откинув голову на спинку и уставившись в потолок. словно в ответ на ее молчание, он вытащил из кармана пиджака ручку и открыл папку.

– Мне нужно это читать?

Сара покачала головой.

– О каком таком тендере речь?

– Его вы подробно обсуждали со мной три недели назад, – тихо и монотонно ответила Сара. – Церемония открытия нового Народного дворца. «Хокинс энд компани» напечатают информационные материалы, все подробности в этой папке.

Несбитт кое-как расписался на письмах, уже потеряв к Саре всякий интерес.

– Сегодня днем у вас также собеседование с тремя кандидатами на место мистера Холлмана, сразу после обеда. Он увольняется через три недели.

– Холлман?

– Да, – сохраняя бесстрастность, подтвердила Сара. – Он подал заявление на прошлой неделе. В папке резюме трех кандидатов. – Она повернулась было к двери, но потом все-таки добавила: – Первым на собеседование придет художник, который только что закончил фрески в Народном двор-

це. Возможно, было бы дальновидно предложить это место ему.

Во взгляде Несбитта промелькнуло оживление, но спустя миг он снова вернулся к изучению потолка. Медленно и на показ положил ноги на стол и еще больше развалился в кресле.

– Ты еще не принесла кофе.

– Сейчас принесу.

Дождавшись, когда Сара дойдет до двери, он сказал:

– Хиллард, эти фрески в Народном дворце. Ты их еще не видела?

– Нет. Я ходила туда на прошлой неделе, когда обсуждали рассадку, но фрески были закрыты.

– Лучше бы тебе наведаться туда еще раз, – заметил он. –

Сходи посмотри.

– Чтобы на сегодняшнем собеседовании вы знали, как они выглядят?

Несбитт пристально посмотрел на нее, выискивая насмешку, прозвучавшую в этих словах. Сара спокойно выдержала его взгляд и шагнула к двери.

– Я принесу вам кофе.

– Нет, не надо. Уже не хочу.

Сара тихо вышла из кабинета, глянула на настенные часы и решила отправиться в Народный дворец не откладывая. Полчаса на фрески, еще полчаса на отчет, чтобы Несбитт смог блеснуть на собеседовании познаниями в области ис-

кусства, и целый час останется на прогулку по берегу канала. В это время дня на заросших травой берегах никого не было, и у воды Сара наслаждалась неким подобием покоя и одиночества.

Когда она спускалась с крыльца конторы, солнце уже скрылось за тучей, собирался летний дождь, неторопливо падали первые крупные капли, служащие там и тут ускоряли шаг. Сара все вспоминала разговор с Несбиттом. Неужели ему каждый раз непременно нужно устраивать эту игру с кофе? Он даже не любит кофе, но утром ритуал неизменно повторялся; Несбитт как будто непрестанно напоминал ей, где ее место, а может, утверждался на собственном. Они оба знали, что фирмой управляет Сара. Со временем Несбитт привык просто занимать свое кресло, довольствовался этим, был уверен, что оно останется за ним, и изнывал от скуки.

Кто-то слегка толкнул Сару под локоть, возвращая ее в реальность. Дождь усилился, и мостовая мерцала фальшивым блеском. Сара оглянулась на других пешеходов: почти все женщины. Они шли парами или группками, укрываясь от дождя под зонтиками, подняв воротники. Как странно: они будто избегали ходить поодиночке, без компаньонки. Сара мимоходом задумалась, почему так. А еще коляски – у всех коляски, младенцы, малыши. Двухлетки цеплялись за юбки, требовали внимания, ревновали к взрослым, с которыми заговаривала мать. И разные цвета – странно, что она не замечала раньше. Может, дождь подчеркнул разноцветье. Сара

перешла улицу; на пороге ярко освещенного магазина укрылась стайка детей и женщин. Сара смотрела на яркую одежду, наслаждаясь контрастом между красным и зеленым, синим и желтым. И волосы – волосы наполовину спрятаны под платками и зонтиками, но все равно ясно видны разные цвета: каштановый, черный, рыжий. Краем глаза Сара заметила белокурую головку и безотчетно замедлила шаг, разглядывая женщину, которая склонилась над малышом и тщетно пыталась носовым платком оттереть с его щек следы угощения, которым пыталась его умаслить. Почувствовав на себе чужой взгляд, женщина посмотрела через дорогу прямо на Сару. Мгновение они глядели друг другу в глаза – внезапная встреча двух незнакомок, – а потом женщина обратила внимание на волосы и одежду Сары и смущенно отвела взгляд. После чего принялась с удвоенным рвением отчитывать ребенка.

Сара тоже отвернулась и взбежала по широким ступеням Народного дворца – недавнего подарка, преподнесенного Горстоном нации. Возле исполинских дверей она помедлила, собираясь с силами, чтобы войти в чудовищно огромный зал, – она помнила, какой ужас пережила, когда на прошлой неделе вместе с другими официальными лицами побывала в этом монструозном здании. Хоть в зале тогда полно было неотесанных работяг, а на полу валялся мусор, Сара ощутила себя карлицей.

Толкнув тяжелую дверь, она вошла в холодный вести-

бюль. Там не было ни души, рабочие разошлись, мусор убрали. Сара остановилась, оглядела высоченные гранитные стены и мрачные серые колонны, прочно укорененные в таком же мрачном сером полу, и на нее навалилось опустошение. Здесь она ощущала себя беззащитной пигмейкой – колонны, слепо устремившиеся к далекому темному потолку, придавливали ее одинокую фигурку всем своим чудовищным весом. Высоко в полумраке едва угадывались длинная галерея вдоль стены и балюстрада – оттуда, опершись на перила, посетители могли разглядеть сверху весь зал. Какими крошечными казались эти перила, а ведь они были человеку выше пояса. Серый камень угнетал, поражал своей тяжеловесностью и несокрушимостью. Саре, такой уязвимой, захотелось немедленно спрятаться, отыскать укромный уголок, забиться в тень.

Лопатками задев ледяной гранит, Сара проскользнула в нишу, повернулась к колонне и обхватила ее руками, словно пытаясь срастись с этим ненавистным, незыблемым подобием жизни. Она прижалась к твердому камню щекой – обожгло холодом, и реальность померкла, остались только слабость и опустошение. Немыслимо противопоставить свою силу этому камню; лучше, гораздо лучше принять, уступить, оставить всякую надежду. Холод проникал все глубже, но в конце концов она заметила, что по лицу стекает что-то теплое. Отпрянув от колонны, она прикоснулась к щеке, и по пальцам покатились слезы, теплые слезы. Сара терпеливо и

бесстрастно переждала приступ отчаяния. Маленькая серая фигурка, слившаяся с камнем. Нельзя терять надежду. Каким бы могучим и незыблемым ни было это общество, как бы ничтожна ни была она сама, нельзя терять надежду. Снова и снова она будет пытаться уничтожить его.

Засунув руки глубоко в карманы, Сара вышла на середину вестибюля.

– Здесь кто-нибудь есть? – крикнула она.

– Есть-есть, – ответило из пустоты эхо.

Сара помедлила. Может, рабочие ушли на обед.

– Кто-нибудь есть?

– Есть-есть.

Она огляделась; запрокинув голову, посмотрела в черный провал потолка. А потом неожиданно крутанулась на месте и радостно улыбнулась. Раскинула руки, обнимая эту пустоту.

– Ты ничто.

– Ничто-ничто.

Эта громадина, которая так ее напугала и умалила, была слепа, не умела чувствовать, не умела думать. В этом и состояла ее изначальная слабость, сущностный изъян, неведомый ей самой, но ведомый Саре, ведомый остальным женщинам. Они уничтожат это чудовище, потому что оно слепо. Сара снова посмотрела на далекую галерею в вышине и дерзко приосанилась.

– Тебе конец.

– Конец-конец.

– Вроде шумел тут кто-то. – На нее недовольно смотрел рабочий с надкусанным сэндвичем в руке.

Сара повернулась к нему с бесстрастным лицом:

– Фрески. Мне нужно посмотреть на фрески. – Она протянула ему пропуск, но рабочий уже отвел глаза.

– Вон там. – Он ткнул большим пальцем в сторону следующего зала.

Зал почти в точности повторял вестибюль, разве что был еще больше. Сара уверенно вошла, готовая встретиться с пустотой.

На всех стенах сияли цвета – яркие, выразительные, живые. Она застыла и медленно обернулась, огляделась. Так и есть. На гранитных стенах, стирая их, преображая, жили цвета, движения, эмоции, надежды и страхи; взмывали мечты; ходили люди, живые и живущие, состоявшиеся и полные устремлений. И все это пульсировало жизнью, затягивало Сару. Она изумленно рассматривала запечатленные стихи: развевающиеся волосы женщины, перекликающиеся с гибкими ветвями на ветру; беспредельная мерцающая гладь могучего моря; закатное солнце, играющее на серебристой ряби, породившее столько всего – мертвого, живого, плодородного; теплая коричневая земля, откликающаяся на человеческий труд, пышная, богатая, щедрая. И люди, которые любили и смеялись, к чему-то стремились, кому-то помогали, жили в гармонии с природой и друг с другом. Единение и баланс, все сочеталось и сливалось, становилось одним це-

лым.

Как эти фрески могли здесь появиться? В таком месте? Кто это сделал?

Сара прошла вдоль стен, изумляясь радостным лицам юноши и девушки, которые карабкались по склону горы на ветру, вгляделась в изборожденное морщинами лицо старика, который довольно и умиротворенно наблюдал за детьми, резвившимися в мягкой траве. Вернулась на середину зала, чтобы охватить всю картину целиком: с желто-коричневых величественных холмов взгляд поднимался выше, коричневый переходил в синий, а тот сливался с необъятным небом, которое охватывало все.

Как сумел другой человек так запечатлеть жизнь, отразив тайные мечты самой Сары? Как смог изобразить на этих голых стенах ее убежденность в том, что жизнь стремится к балансу и равновесию, когда слабейшие стоят рядом с сильнейшими, малые рядом с великими, и все могут полностью реализоваться и занять место, предназначенное им в единой картине.

Сара подошла к стене и дотронулась пальцами до нарисованной морской пены там, где волна набегала на скалистой берег. Ей просто необходимо встретиться с этим человеком, поговорить с ним, расспросить. Он увидел это в своем воображении или пережил наяву? В голове теснились вопросы. Сара опустилась на пол, совершенно опустошенная. За несколько минут она ощутила неизмеримые глубину и высь,

а теперь оцепенела. Она сидела неподвижно, глядя на стены, не в силах больше впитывать, не в силах откликнуться на эти воплощенные мечты.

Постепенно в тело просочился мертвенный холод гранита, и Сара нехотя поднялась на ноги. Она не могла больше смотреть на фрески, а потому опустила голову, уставилась на свои туфли, на серые плиты. Нужно оторваться от ярких видений, вернуться в реальный мир. Сара медленно зашагала к дверям – черные, до блеска начищенные туфли, мелкие шажки, по два на плиту, мокрые от дождя подошвы оставляют пятна на блестящем граните – по безликому полу, в арку, через пустоту вестибюля, обратно на улицу. На крыльце Сара остановилась и посмотрела на спешащих куда-то пешеходов, на лужи, на неровную дорогу и вспомнила белокурую женщину, которая отвернулась, смутившись под ее случайным взглядом. Сбежав с крыльца, Сара слилась с безликой толпой, подстроилась под ее шаг. Она опаздывала. Едва хватит времени напечатать отчет перед собеседованиями. Что в нем написать? Свернув на площадь, она отмела этот риторический вопрос. Напишет какую-нибудь бессмысленную дребедень, псевдоинтеллектуальные фразы с претензией на художественность, Несбитт останется доволен.

Когда Сара слышала его шаги на лестнице, отчет был уже готов.

– Хиллард, ты посмотрела фрески?

– Да. Отчет у вас на столе.

– Пустая трата времени, пустая.

Сара терпеливо ждала объяснений, безучастно подмечая, как покраснелись его шея над воротником и лицо.

– Серьезный промах с твоей стороны – посоветовать мне нанять этого художника.

Сара тихонько вздохнула, сохраняя бесстрастное выражение.

– Он ведь иностранец. Очень глупо было его предлагать. Ты же знаешь, как власти относятся к иностранным работникам.

– Он родился в этом самом городе, – спокойно ответила Сара. – Я смотрела его документы.

– Знаю, знаю. – Несбитт нетерпеливо махнул рукой, отменяя ее доводы. – Но почти всю жизнь провел за границей. А это ничем не лучше. Сначала шляются по заграницам, а потом возвращаются с безумными идеями. – Он сердито посмотрел на Сару, будто надеясь поймать ее на замешательстве. – Там суэта поднялась из-за этих самых фресок. – Он повернулся к двери. – Как бы то ни было, когда он сегодня придет, скажи, что мы уже наняли другого.

Несбитт помешкал у двери, положив пальцы на ручку, – решение объявлено, обжалованию не подлежит, – потом направился в свой кабинет и заперся там. Сара смотрела на его закрытую дверь. Ему позарез приспичило забраковать ее предложение, и, наслушавшись случайных сплетен за обедом, он нашел достойный повод. Переубедить его уже неко-

гда.

На столе звякнул внутренний телефон.

– Да, мистер Несбитт.

– Когда будешь с ним беседовать, прояви такт.

Сара положила трубку и вновь вспомнила, как потрясли ее фрески. Ей просто необходимо поговорить с художником, и вот теперь она потеряла единственную возможность побеседовать с ним по душам. Телефон снова звякнул, она рассеянно взяла трубку. И услышала голос Джоан:

– Мистер Карл Толланд ждет в приемной. У него на полтретьего назначена встреча с мистером Несбиттом.

– Сейчас спущусь.

Но Сара не двинулась с места. «Простите, мистер Толланд, мы не можем вас нанять. Я знаю, что ваши фрески творят чудеса, но вы слишком долго прожили за границей. И нахватались опасных идей о жизни и свободе, а это недопустимо. Вы же сами все понимаете?»

Что ей делать? Потрясение не отпускало ее, и потребность обсудить фрески была почти непереносимой. Но она уже спускалась в приемную, и в голове по-прежнему царил туман.

Глава третья

Карл поправил галстук и ухмыльнулся незнакомцу в зеркале. Вылитый манекен. Он встал в позу – руки неловко торчат, голова наклонена к плечу.

– Разумеется, мистер Несбитт, я могу приступить прямо с понедельника.

Он сердито отвернулся. Карл ненавидел костюмы и галстуки, и, если уж на то пошло, ему претила сама необходимость непременно заполучить какое-то там место. Но фрески закончены, а ему хотелось еще немного пожить в загородном домике. Ему тут хорошо работалось. Идиотский закон запрещал оставаться в стране, если нет официального места службы. Но он, вообще-то, и не иностранец, хотя перед тем, как его впустили, пришлось заполнить столько бумажек, что создавалось впечатление, будто его здесь считают каким-то марсианином. Зато уж выгоду из его международной славы они охотно извлекли. Одному Господу Богу известно, что бы он делал, если бы не получил государственный заказ на эти фрески. Карл и сам не понимал, почему вдруг ему приспичило вернуться. Пока была жива мать, он не особенно задумывался об оставленной родине, а после ее смерти слишком увлекся работой и жизнью, некогда было вспоминать о маленькой стране, откуда уехал в детстве, хотя иногда он жалел, что так и не сумел разговорить маму и подробнее разузнать о

причудливом обществе, из которого она сбежала. Глянув на наручные часы, Карл вышел и запер дверь. Не дело опаздывать (надо произвести хорошее впечатление!), хотя он был уверен, что министерству культуры его фрески пришлись не особенно по нраву. Может, его внесли в черный список. Карл выехал на дорогу и улыбнулся, вспомнив, какой ужас отразился на лицах, когда он снял со стен покрывала. Он не совсем понимал причины, ведь это было его лучшее на сегодняшний день творение. Но им точно не понравилось. Может, им не по душе, когда напоминают, что в этой стране еще теплится жизнь. Во время поездок в эту страхолюдину, которую здесь именуют Народным дворцом, Карл особых признаков этой самой жизни не замечал.

Он выехал на шоссе к городу. После собеседования надо задержаться и осмотреться. Последние восемь месяцев он трудился над фресками как одержимый, уезжал домой, только когда света становилось совсем мало, ел, спал – и снова за работу. Несколько дней назад Карл закончил и с тех пор чувствовал знакомую пустоту, которая всегда настигала его после долгого напряженного проекта. Нужно расслабиться, насладиться обществом, пока его снова не превратит в отшельника очередной творческий замысел.

С легкой печалью Карл вспомнил, каким обществом наслаждался после своей последней выставки в Париже. Настоящая красавица: большие зеленые глаза, в которых рад был бы утонуть любой мужчина, роскошные локоны, колы-

хавшиеся при ходьбе и отливавшие медью. Карл улыбнулся, припоминая бурные месяцы, которые провел с ней. Боже, она была такой хорошенькой, когда злилась. Он вспомнил последнюю ссору. Он так толком и не понял, почему после нее они расстались. Как-то раз вечером его возлюбленная, дождавшись его, в восторге рассказала, что ей предложили место в галерее. Да, Карл мог бы проявить больше такта, но это же нелепо: такая красавица – и расписывает будущую карьеру. В деньгах она не нуждалась, и к тому же как бы они жили вместе, если бы она днем работала? Ей же было прекрасно известно, что по вечерам после выставок у него множество встреч. Они бы просто-напросто не виделись.

И все-таки им было хорошо вместе. Карл довольно вздохнул, погрузившись в воспоминания. Если уж на то пошло, с самого прибытия на родину он почти не встречал женщин, разве что пару раз замечал в магазинах ранним утром покупательниц, обычно обвешанных детьми, да еще этих пожилых, с седыми волосами. Может, идиотский закон относился ко всем – женщины помоложе уж точно трудились не покладая рук, приглядывая за своими отпрысками. Может, они выходили на работу потом, когда подрастали дети. По сравнению с временами его матери экономическая ситуация значительно улучшилась. Мама почти не рассказывала о родине, но упоминала, в каком плачевном состоянии находилась экономика. Затормозив на светофоре, Карл пригляделся к соседним машинам. Довольно новые, но все одинако-

вые. Весьма необычно. И за рулем только мужчины. Он начал присматриваться к встречным автомобилям. Да, именно так. За рулем одни мужчины, и на пассажирских сиденьях тоже. Карл попытался вспомнить, что ему рассказывали перед приездом сюда. Бёрдетт удивился, когда Карл сообщил о правительственном заказе, – даже отговаривал ехать. Что же он такое рассказывал? Профсоюзы запрещены, это точно. И что-то еще про женщин. Сердясь на себя, Карл покачал головой. Забыл, хоть тресни.

Впереди возникла громада Народного дворца, а где-то справа от него располагалась нужная контора. Карл медленно объехал площадь по кругу, выискивая дом номер сорок три и место для парковки.

Зайдя внутрь, он остановился, оглядываясь в поисках секретаря, а потом подошел к седоволосой женщине у коммутатора.

– Прошу прощения, меня зовут Толланд. Карл Толланд. На половину третьего у меня назначена встреча с мистером Несбиттом.

Женщина посмотрела на него поверх очков:

– Да, мистер Толланд. Он вас ждет. Я сообщу о вашем приходе.

Ее руки запорхали над щитком, и Карл разглядел, что это руки молодой женщины, с тоненькими пальчиками. Вглядевшись в ее лицо, он с удивлением заметил четкую линию подбородка и гладкую кожу. От дверей она показалась ему

старушкой, каких он замечал на улицах по утрам. С чего это она выкрасила волосы в этот ужасный цвет? Решила, что так красивее?

– Секретарь мистера Несбитта сейчас спустится.

Карл отбросил мысли о странной женщине и сосредоточился на предстоящем собеседовании. Интересно, понимает ли Несбитт, как ему повезло заполучить такого художника ведущим дизайнером в свою дешевую рекламную конторку? Шутка в том, что работу Карл может и не получить, если вмешался худсовет. Ну, будет над чем посмеяться с друзьями, когда он все-таки соберется домой.

– Мистер Толланд, – ровным голосом сказал кто-то. – Я Хиллард, секретарь мистера Несбитта. Мы можем побеседовать прямо здесь.

Она подвела его к столику в дальнем конце вестибюля. Серые волосы, бесформенное серое платье, черные туфли без каблуков – такую одежду носили здесь все старушки. Но она-то была молодая, как и женщина за коммутатором. Да что у них тут творится в этой конторе?

Хиллард предложила присесть, и Карл рассеянно сел, не сводя глаз с ее лица. Гладкая бледная кожа, крошечные морщинки в уголках глаз, а сами глаза серые, светло-серые, большие, но лишенные всякого выражения. Тридцать – ей, наверное, лет тридцать, и эти глаза смотрели на него как на пустое место.

– ...Наш нынешний ведущий дизайнер передумал уxo-

дить.

Карл слушал, но не вникал. Голос омывал его, холодный, мелодичный, но отстраненный. Карл заставил себя сосредоточиться.

– ...Разумеется, мистер Несбитт не может рассматривать заявления соискателей, пока мистер Холлман окончательно не определится.

Значит, его внесли в черный список. Неудивительно.

– Очень любезно с вашей стороны.

Этой банальной фразой Карл заполнил наступившую тишину; он пытался осмыслить впечатление, которое производила на него эта женщина, подобрать слова, чтобы она его заметила. Впрочем, ее саму молчание, кажется, ничуть не тяготило. Она посмотрела прямо на него, и Карла на мгновение посетили страх и неуверенность, каких он не испытывал никогда в жизни.

– Я видела ваши фрески.

Ты смотри-ка. К подобному вступлению обычно прибежали все мимолетные женщины в его жизни, привлеченные его славой и овеянной таинственным флером профессией. Может, все странности – просто игра воображения, которое подстегнули непонятное платье и еще более непонятные серые волосы?

– И как они вам? – заинтригованно спросил Карл.

Лицо у женщины осталось безучастным и пустым.

– Боюсь, я не очень разбираюсь в искусстве, мистер Тол-

ланд, но они показались мне интересными.

Карл подался вперед – при воспоминании о последней работе его снова охватила радость.

– Лучшая моя работа. Я и раньше подступался к этой идее, но ни разу она мне не давалась. А в вашем склепе все получилось. Я прямо чувствовал, как замысел ширится, оживает.

Его воодушевление не нашло отклика, и Карл снова откинулся в кресле, внезапно растеряв задор. Его раздражало, что женщина не реагирует, – хотелось пробить стену бесстрастности, которую она воздвигла вокруг себя.

Карл по-мальчишески, озорно улыбнулся:

– Очень любезно с вашей стороны. Давайте вместе выпьем кофе после работы – посочувствуете мне, что недотянул до высоких стандартов вашего мистера Несбитта.

Женщина смерила его долгим взглядом больших серых глаз.

– Простите, мистер Толланд, – ответила она наконец, – но это совершенно невозможно. Как вы знаете, я могу обедать только в определенных местах, и мужчинам там, боюсь, не очень комфортно.

Она встала, вынуждая его тоже подняться, и направилась к двери. Что она такое несет? Карл будто провалился в какую-то иную реальность, где царили неведомые ему законы.

– Я свяжусь с вами, мистер Толланд, если мистер Холлман все-таки от нас уйдет. Возможно, вам еще будет интересна эта позиция.

Она вынуждала его играть по своим правилам. Карл снова искал слова, которые разобьют ее холодное спокойствие, но так ничего и не придумал.

Он спустился с крыльца, чувствуя на себе ее взгляд, и вдруг все в нем воспротивилось этому равнодушию. Он повернулся, посмотрел на женщину снизу вверх и, помахав на прощанье, сказал:

– Еще увидимся.

Сидя в машине, Карл пытался осмыслить происшедшее, понять, в чем разница между ней и всеми остальными знакомыми ему женщинами. Как она назвалась – Хиллард? Это имя? А если фамилия, то она мисс или миссис Хиллард? Нет, не миссис, она не замужем. Об этом говорило не только ее равнодушие к нему – Карл чувствовал, что мужчины вообще не интересуют ее в сексуальном плане. Об этом свидетельствовали ее наряд, ее поведение. Но здесь тоже что-то не сходилось. Он поерзал на сиденье; на задворках сознания крутились тревожные мысли. Она как будто не знала, что она женщина. В этом все дело – или нет? Карл вспомнил знакомых лесбиянок. Нет, дело определено не в этом. Он вернулся к первоначальной мысли и стал припоминать, как ведут себя девочки до того, как осознают собственную сексуальность. Похоже, но... Мысль зашла в тупик. Что она такое сказала – мол, она ест в определенных местах? Она серьезно или просто так странно его отбрила, а?

Карл повернул ключ в замке зажигания, быстро сдал за-

дом и выехал с парковки. Он выяснит. Прогуляется по городу и выяснит, что здесь творится, черт побери. Он доехал до ближайшего торгового центра и припарковался. Постоял немного, поглазел на покупательниц, на магазины, на проезжавшие мимо машины, чувствуя себя по-дурачки. Вроде ничего такого особенного. С чего же начать? Карл зашел в большой универмаг и тут же наткнулся на огромный плакат, с которого смотрел грузный мужчина средних лет, с брылами и серебристой сединой; под портретом значилось: «Горстон – друг народа». Так вот, значит, как он выглядит.

В глубину магазина уходили прилавки, в свете ламп поблескивали товары – обычная картина. То тут, то там попадались покупательницы с неизменным выводком детей, но у всех продавщиц были серые волосы и серые платья. Карл внимательно осмотрел все отделы. Продавщицы были разного возраста – теперь он это видел, – и у всех одинаковые серые волосы. Карл пригляделся к покупательницам. У тех цвет волос различался, и одежда тоже была разных цветов. Серый носили только продавщицы. Выходило, что по какой-то причине все работающие женщины красятся в серый. Карл вспомнил Хиллард. Что она там говорила? Она ест в специально отведенных местах? Он подошел к продавщице и сразу же понял, что это совсем юная девушка лет восемнадцати.

– Прошу прощения, подскажите, пожалуйста, где здесь рестораны.

Девушка повернулась к нему с совершенно бесстрастным лицом:

– На пятом этаже, сэр. Лифты дальше направо.

Она смотрела на него точно так же, как Хиллард. Озадаченный, Карл отошел от прилавка и направился к лифтам, позади беременная женщина тащила громоздкие пакеты и канючащих малышей.

– Давайте помогу.

Карл потянулся было к ней, ногой придерживая дверь лифта, и вздрогнул. Лицо у нее было испуганное.

– Вам нужен лифт? – тихо спросил Карл.

Она покачала головой. Он еще мгновение посмотрел на нее, потом убрал ногу и нажал кнопку пятого этажа. С чего вдруг она так перепугалась? Лифт остановился, Карл вышел в устланный ковром коридор и мысленно добавил эту загадку к тем, что уже крутились в голове. Ресторан оказался большим и ничем не отличался от любого другого ресторана в любом другом торговом центре. Их всегда будто специально делали чуточку старомодными, и Карл решил подыскать для обеда другое место. Вряд ли Хиллард имела в виду это.

Он прошел по широкому коридору, миновал дверцу с эвфемистической надписью «Припудрить носик» и вторую, с гораздо более вразумительной табличкой «Мужской туалет»; дальше оказалась дверь, на которой просто значилось: «Туалет для работниц». У них тут что – апартеид? Карл мысленно возразил самому себе. Скорее всего, это просто туалет

для работниц этого магазина. Пока он стоял и думал, дверь открылась, в коридор вышла сероволосая женщина, и Карл поспешно двинулся дальше, злясь на себя. Он ведет себя как идиот. Какая-то женщина не обратила на него должного внимания, и он тут же выдумал дикое объяснение, только чтобы успокоить уязвленное мужское эго. Мало ли – может, пуштоголовые дамочки просто следуют безумной моде, решили, что серые волосы – это писк сезона, как раньше дамские шорты и высокие сапоги. Да Хиллард и не была ослепительной красавицей. Натренированная память художника сохранила ее лицо: линия щеки, изгиб высоких, хорошо очерченных скул; взгляд скользил по ним и поднимался к большим серым глазам, глядевшим на мир будто сквозь невидимую пленку. Нет, не красавица – во всяком случае, по современным меркам. Карл не мог представить ее в плену у модных веяний, но в ней чувствовалась скрытая глубина. Карл пытался вообразить, как эти спокойные черты оживляются эмоциями, но дальше глаз дело не шло. Он раздраженно помотал головой – размечтался, будто школьник, у которого впервые в жизни заудело в паху. Нужно выпить. Он широким шагом пошел к лифтам, словно пытаясь обогнать собственные мысли, и тут заметил указатель со стрелкой. Наверное, пропустил его, когда выходил из лифта. «Ресторан для работниц». Так она это имела в виду? Едва удавалось затолкать подальше дикие подозрения, как случалось что-нибудь эдакое, и они всплывали снова. Карл свернул и пошел по стрелке.

Ресторан на поверку оказался маленькой тускло-коричневой комнатухой. Все коричневое, и даже на выкрашенных когда-то в тошнотворно-кремовый стенах расплывались ржавые ручейки конденсата, стекавшего по ним бессчетное количество лет. Вдоль стены тянулась длинная коричневая стойка, на тускло-коричневом линолеуме выстроились коричневые деревянные столики, голые и убогие. Карл решил было, что в ресторане никого нет, но тут из-за стойки торопливо вышла старая женщина с серыми волосами и похромала прямо к нему. На ней были такие же бесформенные одежды, как и на Хиллард, только туфли она не носила – на распухшие ноги были натянуты потрепанные тапочки, и цвет волос был естественным – тонкие седые пряди, выбившиеся из тугого пучка, липли к впалым щекам.

– Сэр, ресторан там, – прошептала она.

Ее взгляд уткнулся куда-то Карлу в подбородок – его самого она как будто не видела.

– Если можно, я бы лучше выпил кофе здесь.

Она безропотно повернулась, прошаркала обратно к стойке (ноги у нее явно болели) и взяла толстостенную белую кружку.

– В ресторане кофе гораздо лучше, сэр.

Да она пытается его выставить. Вот что имела в виду Хиллард. «Мужчинам там не очень комфортно». Но Карл не чувствовал в старушке никакой агрессии – лишь обреченную покорность.

– Вам не нравится, что я пришел. – Это был не вопрос, а утверждение.

Трясушимися руками она налила в кружку коричневую жидкость.

– Это не мое дело, сэр. Вы можете пить кофе, где вам захочется.

Карл шагнул ближе – в нем крепло раздражение. Он хотел добиться от нее какой-то реакции.

– А вы? Вы можете пить кофе, где вам захочется?

Пролив кофе, она вжалась в стенку и зажмурилась. Губы дрожали, лицо дергалось. Тихо, монотонно, едва ли не нараспев старушка забормотала:

– Горстон – друг народа. Горстон меня любит. Я ничто. Я...

– Не надо.

Голос Карла прорезался сквозь ее бессмысленное бормотание; хотелось заставить эту пародию на человека замолчать. Он смотрел на старушку, а она стояла, все так же съезжившись, – глаза зажмурены, руки на исцарапанной столешнице трясутся. Она же больна. Ей нельзя работать. Да господи боже, ей прямая дорога в богадельню, где за ней присмотрят. А Карлу срочно требовалось выпить. Эта женщина – не его проблема.

Карл спустился пешком, перепрыгивая через низкие ступеньки, – не хватило терпения ждать лифт, хотелось почувствовать, как послушно двигается тело, как под движение

подстраивается взгляд; на лестнице он зигзагом пробрался сквозь стайку покупательниц. Выбравшись на улицу, Карл помедлил, не зная, куда пойти, а потом направился в маленький полуподвальный бар через дорогу.

– Виски, пожалуйста. Чистый, – сказал он бармену, и голос слегка дрогнул.

В баре было уютно, приглушенный свет отражался в стеклянных бокалах, толстый ковер приглушал звуки. Хотя звуков особо и не было. В баре сидели только Карл да бармен. Надо поразмыслить. Глупо было так беситься из-за бедной безобидной старушки. Он сегодня только и делает, что слишком бурно на все реагирует, – с той самой встречи с сероглазой женщиной в конторе у Несбитта.

Карл осушил стакан одним глотком, подвинул его к замершему наготове бармену и кивнул. Улыбнулся сам себе. Ему определенно нужно расслабиться. Наверное, все из-за того, что он столько месяцев просидел в этом мавзолее, работая над фресками. Виски пришелся кстати, и, потягивая его из вновь наполненного стакана, Карл огляделся. Неплохое местечко – повезло, что наткнулся.

– Так вы в наших краях недавно, сэр? – У бармена язык чесался поболтать: в это время в баре не было ни души.

– Да. А как вы догадались?

– Да это всегда видно. Мелочи разные. Иногда по одежде понятно, иногда по акценту. А вот у вас, сэр, загар. Прекрасный загар, если позволите. Слишком хороший для здешне-

го климата. Хотя стоит признать, что в этом году дела идут неплохо. За последние несколько дней часто солнышко выглядывало.

– А вы наблюдательный.

Карл улыбнулся, вспомнив гелиолампу в своем домике. Он днями и ночами сидел в Народном дворце, так что загар, который столько лет налипал на него жаркими и ленивыми летними деньками, выцвел до болезненной желтизны. Будет сам на себя не похож, когда вернется к своим.

– Я просто осматривал город. Раньше возможности не подворачивалось.

– Здесь есть на что посмотреть, это уж точно. Видели новый Народный дворец? Он, конечно, еще не достроен, но будет красота. Представляете, его сам президент откроет. Недели через две.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.